

Камилла Хаген

Режиссёр

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 792
ББК 85.37
К18

Камилла Хаген

Режиссёр / Камилла Хаген; худ. Камилла Хаген —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 225 с.

ISBN 978-5-532-93094-0

Вокруг него толпа людей, но он один. В свои 21 он мечтает о прорыве в сфере кинематографа, но в мире проходных комедий и бездушных блокбастеров никто не ценит авторское кино. Имя ему - Вилен. Впустив на порог своего дома незнакомца, он и не подозревал, кто за ним скрывается. Ему выпал шанс не только осуществить свою мечту, но и отомстить за убийство любимой сестры, совершенное много лет назад. Воспользуется ли им Вилен? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Мара	4
I	4
II	26
III	40
Часть вторая. Вилен	53
I	53
II	68
Часть третья. Нейро	74
I	74
II	86
III	95
IV	101
V	125
VI	137
VII	142
VIII	149
IX	162
X	169
XI	174
XII	185
XIII	191
XIV	203
Часть четвёртая. Вилен	214
I	214
II	220
Эпилог	224

Часть первая. Мара

I

Если викторианская эпоха растянулась бы до наших дней, то эту комнату, вне всяких сомнений, можно было бы отнести к её воплощению.

Маленькая – буквально двенадцать квадратов. Зато сколько света она в себя вмещала! И не только (вернее, даже не столько) из-за того, что окна выходили на солнечную сторону, но и из-за убранства. Пудренные стены (кажется, маман называла их цвет не иначе как «цветом бедра испуганной нимфы»), причём непременно приподнимая подбородок и прижимая язык к нёбу, будто каждая уважающая себя француженка говорила именно так), белая дубовая и буковая мебель с чуть потрескавшейся (лёгкий «закос» под старину, несмотря на заверения маман о подлинности материалов и заказе мебели аж с самого Парижу) и облупившейся краской, пейзажи Монмартра и версальские дворцы, заточённые в массивных, хоть и светлых, рамах, едва уловимый среди танцующих при солнечном свете пылинок один из ароматов Chanel – вся обстановка говорила о тонком вкусе хозяина. Точнее, хозяйки.

На часах было уже 11:45, но Мара ещё только сидела за туалетным столиком в тщетных попытках разлепить ресницы и проснуться. Разница между Москвой и Французской Ривьерой, откуда она вернулась буквально на днях, составляла два часа – немного, но достаточно для того, чтобы выросший, но ещё не окрепший организм проходил период акклиматизации. К тому же если страна бездрожжевого хлеба и заплесневелых сыров встречала солнцем и тёплым летним ветерком, то родина – нескончаемыми дождями и поломанными ураганом деревьями.

Мара сделала над собой ещё одно усилие и смогла открыть глаза окончательно. И это до утреннего кофе! Она могла собой гордиться.

В кристально чистом, но слегка завешанном фотографиями, билетами, карточками и прочей макулатурой зеркале отразилась девушка слегка за двадцать, готовая превратиться в молодую женщину. Женщина эта обещала уже в недалёком будущем разбить не одно мужское сердце. Одни только глаза – по-азиатски раскосые, цвета январского неба – пронзали его насквозь! К середине лица от линии роста светлых по-орлиному разлетевшихся бровей спускался небольшой, чуть вздёрнутый носик. От него в разные стороны расходились идеально симметрично приподнятые скулы, едва сбрызнутые утренним румянцем, точно грейпфрутовым соком. Завершал прелестнейшую по-серовски нежную и по-тициановски благородную картину пухлый малиново-розовый рот, так не вяжущийся с гармонией и изяществом остальных черт лица, и россыпь длинных, сотканых из сусального золота густых кудрей.

Мара окинула себя ещё одним сонным взглядом и вздохнула. Затем перевела его на свой ежедневник.

В нём, помимо одинокого напоминания о сегодняшней вечеринке, ничего не было. Да и откуда там чему-либо взяться после проведённых на Лазурном берегу каникул? Каждый день, проведённый там, был похож один на другой. Пробегка по песчаному пляжу. Море фруктов, выпечки и кофе каждый день. Плавание. Поло. Танцы. Типичный летний денёк отпрыска одного из самых уважаемых людей столицы.

Вечеринка... Мара издала ещё один тяжкий вздох, стоило её взгляду встретиться с этим словом. Коряво, в спешке написанное (Мара услышала о своём настойчивом приглашении вскользь и так быстро хотела избавиться от надоедливого собеседника, что сделала эту запись прямо при нём – оказала ему большую услугу своим поступком, но сделала это максимально небрежно, демонстрируя тем самым своё отношение к намечающемуся событию), сейчас оно буквально издевательски ухмылялось ей, никак не давая забыть о данном когда-то обещании. Конечно, данные в дождь и бурю забываются в хорошую погоду. Тем более если они прозвучали исключительно в устной форме. Но только не для Мары! Это было для неё

делом чести, делом принципа, не меньше. К тому же запротоколированным письменно! Это не давало Маре покоя.

Воздух наполнил очередной вброс углекислого газа из её рта – очередной вздох. Она захлопнула ежедневник и тупо и бескофейно уставилась на его гладкую, ручной работы, обтянутую телячьей кожей обложку. Внутри – её на тот момент куда более твёрдым, основательным и изящным почерком – было выведено: «Собственность Маржаны Доновска».

Вот кто она. Маржана Доновска. Несостоявшаяся полька, едва ли не навеки застрявшая в центре российской столицы.

Утро выдалось более чем странным, сонным и ленивым. А если учитывать ещё и то, какой впереди ожидался вечер... Мара вспомнила Скарлетт и решила подумать об этом завтра. Нет, завтра будет слишком поздно... Потом.

Окинув своё отражение в трюмо последним быстрым взглядом, Мара направилась к выходу из комнаты и открыла дверь. Действительность поприветствовала её дурманящим ароматом свежесваренного кофе и теплом хрустящего теста. Обессилев после долгого утомительного перелёта и смены как климатических, так и часовых поясов, Мара ужасно захотела есть, так что встретившие её запахи щекотали ноздри и сводили с ума.

Столовая, находившаяся на первом этаже, по стилистике не так сильно отличалась от спальни Мары, хотя её показная роскошь и претенциозность сильно бросались в глаза. Если бы семейство Доновска было знакомо с семейством Коппола, то София могла бы сэкономить немало денег и сохранить столько же нервов, сняв несколько сцен с Кирстен Данст в роли Марии-Антуанетты в этой комнате. Лепнина на безупречно выбеленных стенах, выбитый в стене камин (настоящий, ибо имитация была для пани Доновска неприемлема), позолоченная мебель с витыми ножками и ручками, громоздкие люстры, отдающие Swarovski, непрозрачно намекали на XVII, а то и XVIII век. Поэтому одетые по современной моде жители и гости дома порой смотрелись немного неуместно – воображение то и дело пририсовывало им накрахмаленные парики, мушки, фрак и кринолины.

За огромным, по-средневековому длинным резным столом из тёмного дерева одиноко сидела хозяйка дома. Пани Доновска была ухоженной, во всех смыслах приятной, но преждевременно состарившейся женщиной. Юношеское увлечение загаром и чрезмерным актёрским мастерством сыграли не на пользу вечной гладкости её лица, сочетавшего в себе провинциальное озорство и по-столичному светскую благородность. И пусть со временем мама Мары остепенилась и кардинально изменила свой образ жизни, пережитого уже не вернёшь, посему это, увы, не могло не сказаться на её внешнем виде.

Утренний вид пани Доновска был весьма сонным и измотанным, точно первую половину ночи ей довелось собирать урожай с китайских рисовых плантаций, а вторую – блистать на венском балу. Это объясняло уже четвёртую чашку эспresso в её руках, до сих пор не успевших дойти до завтрака.

– *Dzien dobry, mama!* – пропела Мара у неё над ухом и села по правую руку от неё. Пани Доновска перевела на неё взгляд – слишком уставший, чтобы сердиться.

– Я тысячу раз просила тебя не говорить на этом проклятом языке.

– Ничего не могу поделать со своими корнями, – пожалала плечами Мара, тряхнув копной кудряшек, и потянулась к кофейнику. Несколько коричневых капель выплеснулись наружу и больно обожгли ей пальцы, но она сделала вид, что не заметила этого. На тарелке перед ней лежало подобие отельного завтрака: белковый омлет-пуляр, пара свежеспечённых круассанов с клубничным джемом и фрукты.

– В честь чего такие яства? – с приятным удивлением в голосе спросила Мара. Очередной многозначительный взгляд матери в ответ – на этот раз слишком уставший, чтобы пристыдить дочь и обвинить её в недогадливости.

– Родная дочь половину лета провела неизвестно где. Почему бы не порадовать её по приезде, чтобы у неё не возникало желания так часто уезжать?

Маре было настолько непривычно слышать сантименты из уст матери, что ей даже стало неловко за то, что вечером ей вновь при-

дётся её покинуть. Разумеется, эмоции не могли не отразиться на юном пусть и благородном, но артистичном лице. Это не ускользнуло от взгляда пани Доновска.

– Я чего-то не знаю, Маржана? Ты ещё куда-то собираешься?

– Как бы тебе сказать...

– Говори как есть, как же ещё.

– Собираюсь на вечеринку, на которую меня пригласили ещё в мае. Не сказать, что я горю желанием идти, но мой долг обязывает...

– Да сколько можно, в конце-то концов! – неожиданно взорвалась пани Доновска, будто облитая до этого момента бензином и выжидавшая, когда Мара чиркнет спичкой. Та вжалась в спинку стула, испуганно и беспомощно хлопая ресницами.

– Что можно, мамочка?

– Жить ценностями этого человека! Человека, не вложившего в тебя ни копейки, ни минуты своей жизни, своего «драгоценного» времени! Он бросил нас, оставил на произвол судьбы и ни разу не дал о себе знать, не поинтересовался нашей жизнью, а ты из года в год продолжаешь мнить его богом и превращать его принципы в истину последней инстанции...

Речь шла об отце Мары. Если на свете существовал самый немногословный, загадочный и закомплексованный человек, то её отцу можно было смело присвоить это звание. Казимир Доновска родился в Лодзи в семье поляка и украинской иммигрантки. Когда ему исполнилось двадцать, он оказался проездом в Варшаве, куда по счастливой случайности заглянула группа туристов из России. В группу входила, конечно же, и мама Мары, Полина, к тому моменту заканчивавшая филфак МГУ и усиленно рвавшаяся за границу на ПМЖ. Немногословный, апатичный, но местами привлекательный юноша почти сразу обратил внимание на броскую блондинку, единственную из всей группы блиставшую в короткой юбке, на высоких каблуках и с начёсом на голове. Об этом он не преминул сообщить самой Полине, стоило ей отстать от одноклассников и экскурсовода, с трудом ковыляя по брусчатке на своих нереальных шпильках. Красотке такое внимание явно польстило, а перед глазами замаячила соблазнительная перспектива выйти замуж за иностранца и уехать

в столь желанную для неё «заграницу». В результате девушка вцепилась в Казимира мёртвой хваткой, принявшись окучивать всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Сам Казимир больше молчал, чем говорил – только шёл рядом и буравил её своими миндалевидными серыми глазами, которые унаследовала Мара.

Полина не поехала с группой обратно в Москву, оставшись в Варшаве. Казимир последовал её примеру. Однако, даже расписавшись, они приняли решение поехать в Россию, хотя бы на первое время, ведь Полине, как ни крути, нужно было закончить институт. Ещё бы – родители вложили в неё столько сил, столько времени, чтобы их драгоценная дочурка смогла-таки вырваться из провинциальной дыры и обеспечить себе достойное будущее! Став супругой пусть и не чистокровного, но поляка, она решила сделать из себя польку. Девичья фамилия сменилась на фамилию мужа – Доновска, а простая и понятная Полина – на странную Паулина.

«Первое время» в России затянулось для четы Доновска надолго. Наступили девяностые, жить было особо не на что, не то что ехать в Польшу. Работы практически не было, а тут ещё случилась Маржана, которой никто не ждал, но которой все несказанно обрадовались. Маржана, или Мара, как её стали называть в кругу семьи, росла практически в бедности, но купалась в родительской любви и заботе. Вернее, словесно её больше выражала Паулина, носясь с единственным ребёнком как с писаной торбой, в то время как Казимир молча смотрел на дочь, а перед сном подтыкал одеяло и целовал в лоб. Казалось, уже тогда по его взгляду можно было понять, что в голове его зарождались не самые радужные мысли.

Однажды холодным пасмурным утром Маржана и Паулина проснулись, а Казимира не было. Как и его вещей. Единственное, что он оставил после себя – корявую записку (за всё время проживания в Москве и брака с русской девушкой он так и не научился ровному почерку), в которой просил прощения, а также умолял никого не винить в своём уходе, кроме него самого. Добавил, что семейная жизнь, да ещё на чужбине, не для него, потому ему нужно уйти на поиски себя. Когда он вернётся с этих поисков и вернётся ли вообще, в записке не уточнялось.

Тем самым утром в Паулине что-то надломилось. Она стала другой. Из сельской простушки, хохотушки и заводилы она превратилась в холодную, надменную, манерную светскую даму с ярко выраженной ненавистью ко всему польскому. С того дня разговоры на польском языке и упоминание даже имени отца все в доме были запрещены. Маленькая Маржана решительно не понимала, что происходит. Куда делся папа, и почему нельзя было даже спрашивать о нём? Пани Доновска была непреклонна, не вникая ни слезам, ни мольбам дочери.

Шли годы, с каждым из которых в доме Доновска появлялось и усиливалось ощущение, будто Казимира с ними никогда и не было. Ни разу он не дал о себе знать ни делом, ни словом, ни намёком. И женщины научились жить без него. Всё имеет свойство заканчиваться – и хорошее, и плохое. Подошли к концу и голодные холодные девяностые. Паулина начала медленно, но верно строить головокружительную карьеру в журналистике, пока не познакомилась с Евгением Колесниковым. Пани Доновска не устояла перед чарами молодого перспективного харизматичного писателя, какую железную леди бы из себя ни строила. Результатом этих чар стал Вилен Евгеньевич Колесников, появившийся на свет, когда Маржане было уже десять. Правда, чары улетучились так же стремительно, как и появились: выяснилось, что Евгению от Паулины требовалось исключительно продвижение по карьерной лестнице, иначе стал бы он «спать со старухой»? Сама Паулина была настолько шокирована поступком русского Жоржа Дюруа, что оставила самый популярный в столице и во всей России журнал, главенством в котором искренне гордилась, только бы не чувствовать бесконечное унижение и косо-презрительно-сочувствующие взгляды на себе.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Оставшиеся немногочисленные друзья помогли пани Доновска с небольшим бизнесом в сфере недвижимости, обеспечившим семье безбедное существование и квартиру на Тверском бульваре. Оправившись после очередного предательства и поборов в себе сложные чувства по отношению к детям, она стала для них всем и вложилась в них, как в свои лучшие проекты, по полной программе. Маржана, бело-